

Научная статья

УДК 355/359

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218>

«Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов

Андрей Иванович Бакшеев¹, Александр Георгиевич Рогачев²

¹ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красноярск, Россия, baksh-ai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8085-8837>

² Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, kaf.history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9818-1812>

Аннотация. В изучении и осмыслении отечественной аграрной истории периода 1920-х выделяются пять этапов: 1920-е гг.; 1930-е гг., вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.; середина 1950-х – 1980-е гг.; 1990-е гг. и по настоящее время. Данная статья предметно рассматривает первые три этапа, связанные с деятельностью И. В. Сталина. Его политической роли посвящен справочный фрагмент. В 1920-е годы в СССР наблюдалась ограниченная политической монополией большевистской партии дискуссия о дальнейшем аграрном курсе. Опираясь на предвзято подобранный фактический материал, цитаты теоретиков марксизма, авторы-политики логически упрощенно, но эмоционально ярко предлагали управленческие решения. Комплексный обобщающий характер носили публикации экономистов Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова. В прикладных целях сельское хозяйство активно изучали и на уровне округов Сибири, обеспечивая данными как местные, так и общесибирские издания. Переход ко второму периоду историографии совпал с форсированной и насильственной коллективизацией. Принудительно-административное сужение спектра научных трактовок и приоритет сталинских оценок отвели периоду Новой экономической политики роль антипода успехов становления в СССР колхозного строя. Материалы партийных съездов и пленумов наполнены утверждениями о безальтернативной верности аграрной политики 1930-х гг. Для учебных резолюции этих собраний стали указанием того, какие выводы формулировать. Определяющее влияние оказал вышедший в 1938 г. при участии И. В. Сталина учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Исследовательский интерес к событиям 1920-х годов заметно снизился, а политическая составляющая изданий явно превалировала над научной. Рост национального самосознания в ходе Великой Отечественной войны несколько скорректировал содержание советской историографии и инициировал возрождение научной критики. Исследователи сосредоточили внимание на освещении роли партии, сохранив однако цитатный метод трактовки фактического материала. В заключение дается оценка советской историографии, рекомендуется ее взвешенная ревизия и выработка новых концепций.

Ключевые слова: историография, Новая экономическая политика, И. В. Сталин, периодизация, идеология, большевики, крестьянство, публикации, риторика, трактовки

Для цитирования: Бакшеев А. И., Рогачев А. Г. «Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 209–218. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218>

Original article

“Under the pressure of ideology”: Domestic agriculture of the 1920s in Soviet historiography of the 1920s - early 1950s

Andrey I. Baksheev¹, Alexander G. Rogachev²

¹ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, baksh-ai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8085-8837>

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, kaf.history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9818-1812>

Abstract. Five stages are distinguished in the study and reflection of the domestic agrarian history of the period of the 1920s: the 1920s; the 1930s, the second half of the 1940s - the beginning of the 1950s; the mid-1950s-the 1980s; the 1990s and to the present. This article examines in detail the first three stages related to the activities of I. V. Stalin. The given reference fragment is

© Бакшеев А. И., Рогачев А. Г., 2022

devoted to his political role. In the 1920s, in the USSR, there was a limited by the political monopoly of the Bolshevik Party discussion about the further agrarian course. Relying on biased factual material, and the quotes from Marxist theorists the political authors logically simplified but emotionally vividly offered managerial solutions. The publications of such economists as N. D. Kondratiev and A. V. Chayanov were of a complex generalizing nature. For applied purposes the agriculture was also actively studied at the level of Siberian districts, providing both local and Siberian-wide publications with data. The transition to the second period of historiography coincided with forced and violent collectivization. The forced administrative narrowing of the spectrum of scientific interpretations and the priority of Stalin's assessments assigned to the period of the New Economic Policy the role of the antipode of the success of the formation of the collective farm system in the USSR. The proceedings of Communist Party congresses and plenums are filled with assertions about the uncontested fidelity of the agrarian policy of the 1930s. For scientists, the resolutions of these meetings became an indication of what conclusions to formulate. The textbook "History of the CPSU(b): A short course", published in 1938 with the participation of I. V. Stalin had a decisive influence. Research interest in the events of the 1920s has noticeably decreased, and the political component of the publications clearly prevailed over the scientific one. The growth of national consciousness during the Great Patriotic War somewhat corrected the content of Soviet historiography and initiated the revival of scientific criticism. The researchers focused on highlighting the role of the party, while retaining the citation method of interpreting factual material. In conclusion, an assessment of Soviet historiography is given, its balanced revision and the development of new concepts are recommended.

Keywords: historiography, New Economic Policy, I. V. Stalin, periodization, ideology, Bolsheviks, peasantry, publications, rhetoric, interpretations

For citation: Baksheev A. I., Rogachev A. G. (2022) "Under the pressure of ideology": Domestic agriculture of the 1920s in Soviet historiography of the 1920s - early 1950s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 209-218. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218>

В изучении и осмыслении отечественной аграрной истории периода 1920-х выделяются пять этапов: 1920-е гг. (его условно можно именовать как дискуссионный); 1930-е гг. (сталинский, пропагандистский), вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. (сталинский, начально-научный); середина 1950-х – 1980-е гг. (развито научный); 1990-е гг. и по настоящее время (постсоветский). Несмотря на идеологический монополизм, присутствовал реальный или имитируемый дискурс, в котором отразилась общая интеллектуальная эволюция и проявились внутренние закономерности. В данной статье хотелось бы предметно рассмотреть первых три этапа, в той или иной степени тесно связанные с деятельностью И. В. Сталина. Тем самым мы дополним и разовьем ранее высказанные оценки (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 209–211).

Если описать события максимально схематично, то за 1917–1924 гг. И. В. Сталин установил прочные деловые контакты и связи на местах. Гражданская война в значительной степени повлияла на политический характер Сталина. В обществе, жившем по законам «военного коммунизма», повсеместное распространение получили специфический образ мышления и стиль управления. Типичной практикой стало решение всех текущих проблем директивным, административным путем. Все это очень соответствовало

стилю работы Сталина, предоставило возможности для развития врожденных черт его личности. После смерти В. И. Ленина И. В. Сталин дал клятву и в дальнейшем строго следовать «ленинским курсом». Это среди прочего в конечном итоге способствовало победе И. В. Сталина 1924–1929 гг. над оппозицией.

22 августа 1921 г. ЦК РКП(б) поручил Сталину общее руководство работой отдела агитации и пропаганды ЦК партии. 29 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает резолюцию В. И. Ленина и И. В. Сталина об образовании федерации закавказских республик. 29 декабря 1921 г. И. В. Сталин первой сессией ВЦИК 9-го созыва избирается членом Президиума ВЦИК и утверждается народным комиссаром по делам национальностей и народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ).

В марте – апреле 1922 г. состоялся XI съезд РКП(б). В. И. Ленин на съезде свои усилия направил на укрепление единства партии и борьбу с бюрократизмом. В последний день съезда избрали новый ЦК, который 3 апреля утвердил новое Политбюро – уже не «пятерку», а «семерку», в которую входили Зиновьев, Каменев, Ленин, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий. Бухарин, Калинин и Молотов стали кандидатами в члены Политбюро. Во время той же сессии ЦК в Секретариат ЦК вошли: Сталин, Куйбышев и Молотов. Генеральным секретарем ЦК избрали Сталина.

Должность Генерального секретаря партии явилась новым постом. Видимо, Ленин считал все это временным мероприятием, связанным с его собственной болезнью. До 1919 г. должности секретаря партии не существовало. На VIII съезде в марте 1919 г. секретарем избрали Н. Н. Крестинского, человека без особого влияния и сторонника Троцкого. На IX съезде в Секретариат партии вошла тройка: Крестинский, Преображенский, Серебряков, все – друзья Троцкого. Но X съезд их заменил тремя сталинцами: Молотовым, Михайловым и Ярославским. А в апреле 1922 г. член Политбюро Сталин согласился стать генсеком, сняв с себя обязанности наркома по делам национальностей и наркома Рабкринна.

В 1923 г. Сталин, Зиновьев и Каменев объединились в борьбе против Троцкого. После поражения Троцкого Сталин расторг этот союз и объединился с Бухариным против Зиновьева, Каменева и примкнувшего к ним Троцкого. В 1927 г. троцкистско-зиновьевская оппозиция терпит поражение, её лидеров исключают из ВКП(б), а Л. Д. Троцкого вскоре высылают за границу. В 1928–1929 гг. Н. И. Бухарин и его сторонники обвиняются в правом кулацком уклоне и быстро теряют высшие руководящие посты в партии и государстве. Таков обзор борьбы за высшую власть в СССР.

В советском государстве в течение 1920-х годов публиковались официальные работы о курсе в отношении крестьянства, претендующие на теоретический характер. Авторами были виднейшие большевики. Аналогичным образом на уровне всей Сибири, сибирских регионов, республик и округов Сибирского края в местной прессе выступали местные руководители. Все авторы откровенно объясняли цели советской политики в отношении крестьянства. Как уже отмечалось, большинство текстов целесообразнее рассматривать как письменные исторические источники, а не исследовательскую литературу (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 210).

Одновременно публиковались труды экономистов Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова (Кондратьев, 1989; Чаянов, 1989). Можно констатировать взаимопроникновение тезисов. Особо повторим и подчеркнем, что в постсоветской историографии «общепризнано», что В. И. Ленин использовал теоретические наработки А. В. Чаянова (Проекты преобразований...,

2015. С. 32). В свою очередь ученые для «подкрепления» собственной позиции цитировали политиков.

Так, в июле 1925 г. на заседании президиума Госплана СССР Н. Д. Кондратьев заявил, что в резолюции по докладу товарища Каменева (после 3-го Съезда Советов) говорится, что основным противоречием в сельском хозяйстве является то, что оно относительно достаточно снабжено рабочей силой, но слишком слабо снабжено основными орудиями и средствами производства (Доклад Н. Д. Кондратьева, 1925. С. 104).

Семейно-трудовая концепция Чаянова являлась господствующей теоретической основой как местных (окружных) аграрно-статистических изданий, так и регионального аграрно-производственного планирования (Проекты преобразований..., 2015. С. 131–151). Например, ссылаясь на данные Чаянова по Харьковской губернии, статистики Барнаульского округа подчеркивали влияние на годовую выработку запросов потребления, предъявляемых работнику со стороны его семьи (Пушкарев, 1927. С. 143¹). Во время коллективизации Кондратьев был предсказуемо назначен объектом назидательного осуждения и откровенно фальсификаторской критики (Камшицкий, 1929). В 1930 г. В. П. Милютин отнес Кондратьева к представителям «буржуазной школы» и процитировал враждебные высказывания: «Мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепкими развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйства, которые только могут быть основой товарной продукции, что является хозяйственно и политически опасным» (Милютин, 1930. С. 26–27).

В прикладных целях сельское хозяйство квалифицировано изучали и на региональном уровне. В «Сибирской советской энциклопедии», чья незавершенность и менявшееся содержание прямо отразили ужесточение избранного политического курса и усиление централизации во всех сферах, было опубликовано множество взаимоувязанных справочных статей. Редакторами отдела «Сельское хозяйство и экономика деревни» в томе 1 (вышел в сентябре 1929 г.) выступали В. А. Каврайский (Новосибирск), профессор И. И. Осипов (Москва), И. Н. Харламов; в томе 2 (март

¹ Пушкарев В. М. Сельское хозяйство // Барнаульский округ (Статистико-экономический обзор). Барнаул, 1927. С. 139–247.

1931 г.) – последний, С. Г. Колеснев, К. К. Лопатто, М. А. Минеев и Н. П. Ялухин, в томе 3 (весна 1932 г.) – обновленный состав второго и Ф. А. Хоробрых.

И. И. Ляшенко (Новосибирск) рассматривал классовое расслоение и классовую борьбу в Сибирской деревне (с четким разделением трех периодов дореволюционного, 1920–1929 гг., социальных сдвигов и классовой борьбы в новых (на 1930 г.) условиях); В. Тябин – землепользование; Б. Немыскин – проблемы землеустройства; В. Беляев (Новосибирск) – коневодство; А. Ф. Брусницын (Новосибирск) – животноводство; М. Тихоненко – крестьянскую кожевенную промышленность, коллективные хозяйства, крупный рогатый скот; Я. Ваньков – мукомольную и крупяную промышленность; В. Ершов – маслоделие. Значение обнародованной декларации, руководящей программы имели статьи «Земельная политика», «Коллективные хозяйства». В рамках Сибирской Советской энциклопедии подготовлены очень содержательные очерки и по округам восточной части СССР.

От тома к тому существенно меняется смысловое освещение хозяйственных процессов, а главное описание перспектив. В справочной литературе середины 1920-х годов господствовали рыночные подходы. Эксперты оценивали (преимущественно в рублях) оборот крупнейших предприятий, отраслей, а также округа в целом; посевную площадь; занятость населения по промыслам и мелко-кустарной промышленности; стоимость продукции полеводства, скотоводства; заготовки; вывоз за пределы округа по товарам.

Экономические связи города с единоличным селом могли строиться только через рынок. При этом сами крестьяне решали: выгодно ли им продавать государству свою продукцию или нет. Это совершенно не устраивало И. В. Сталина и его единомышленников, которые стремились в кратчайший срок коллективизировать деревню и перейти на внерыночные отношения, при которых автоматически исчезал действующий механизм обеспечения хотя бы приблизительно равноценного обмена между городом и деревней.

Большевики предпочли предъявить крестьянам требование подчиниться «общегосударственной дисциплине» и государственному (фактически партийному) регулированию хозяйственной жизни, отказаться от «мелкобуржуазной стихии спекуляции и

торгашества» в пользу полного государственного контроля (и учета) над расходом всей производимой продукции. Сопровождавший такой переход падение самого производства (инициированное подрывом мотивации на инициативный труд) и как следствие падение уровня и качества жизни коммунистические власти не открыто признавали, а на внутрипартийном уровне считали хотя и негативным, но терпимым для административно-командной системы побочным эффектом.

На наш взгляд, материалы советского хозяйственного планирования второй половины 1920-х годов свидетельствуют, что негативные последствия большинством экспертов не предвиделись и, соответственно, не готовилось их устранение. Однако партия была готова умалчивать о них или находить благоприятные для властей «объяснения».

Применительно к Сибири особенно характерным выглядит провал хорошо проработанных планов второй половины 1920-х годов по субрегиональной хозяйственной специализации или, иными словами, географической рационализации аграрного производства. Четко прослеживается остановка тенденции опережающего развития (рост долей тех или иных субрегионов). Например, если в Тулунском округе до 1929 г. аграрное производство растет как в абсолютных, так и в относительных показателях, то после 1929 г. растут только отдельные абсолютные показатели. Причины изменений очевидны: свободный труд по самостоятельно поставленным задачам на свой хозяйственный риск в расчете на материальную выгоду заменен централизованным, а потому, полностью унифицированным государственным планированием с его приоритетом партийной целесообразности и строгим нежеланием нести ответственность за природные и социальные риски. Партия действовала по командному принципу «Вперед» (пробуйте, как мы сказали), а не призывом «За мной» (повторяйте наш удачный пример). Переход от единоличных к коллективным формам осуществлялся не убеждением успешным и наглядным примером коммун, а всей мощью и разнообразием государственного принуждения.

Например, в «Сибирской Советской энциклопедии» предсказуемо обличаются последователи Кондратьева и Чаянова: «Суть кулацкой теории Осиповых, Марковских, Максимовых и других кондратьев-

цев сводилась к следующему: сельское хозяйство Сибири находится в состоянии кризиса; выходом из положения является внедрение паротравополья и на его основе, развитие высокотоварного крестьянского хозяйства... Надо установить прочный земельный строй (отруба и выселки), надо ввести налог с земли, а не с дохода. Понизить цены на промышленные товары и повысить на сельско-хозяйственные товары. Кредитовать преимущественно более зажиточные хозяйства, т. к. эффективность кредита будет выше и т. п.» (Статья «Классовое расслоение и классовая борьба в Сибирской деревне»).

Враги назначались с завидной периодичностью. Риторика обеспечивала необратимость курса, альтернативы сознательно не рассматривались. В тактическом смысле ставка на приоритетность контроля над материальными ресурсами давала большевикам существенное превосходство над оппонентами и противниками, обеспечивала большее пространство для маневра. В стратегическом же отношении отодвигала и так гипотетическую победу в экономическом соревновании с зарубежным капиталистическим окружением. Краткосрочные материальные убытки военного коммунизма, а затем коллективизации, олицетворяющие плату за чрезвычайщину и диктат, дали козырь антибольшевистской пропаганде и снизили привлекательность коммунистической модели в мире.

После 1933 г. существенная часть авторов подверглась репрессиям (П. К. Казаринов, И. И. Осипов, Ф. А. Хоробрых), другие (23 чел.) предпочли отказаться от продолжения работы (Посадсков, 2009. С. 75). Том 4 выпущен в виде макета в мае 1937 г., еще два тома реконструированы на основе рукописей из Государственного архива Новосибирской области в 2001–2002 гг.

Фундаментом общесибирских изданий выступала активная научная работа, проводимая в регионах: сначала в губерниях Сибири, а затем в Сибирском крае и его округах. Например, мощный исследовательский центр в 1920-е годы действовал в Иркутске, где ежегодно издавались статистические сборники Иркутского губернского статистического бюро. Л. А. Кокоулина, К. Н. Миротворцев, М. П. Соколов, А. В. Черных и другие на высочайшем уровне собирали сведения и на их основе анализировали развитие сельского хозяйства, намечали оптимальные пути его

развития. Оценки исследователей ученых учитывали местные советские руководители, при реализации общегосударственной политики, пока еще допускалось учитывать местную специфику. Методологический и концептуальный интерес для нас представляли и современные НЭПу справочно-статистические издания по другим губерниям, уездам (округам) нашей страны. Они были полезны как для сопоставления, так и для реконструкции экспертных подходов, терминологии.

Переход ко второму периоду историографии: 1930-е – первая половина 1950-х гг., совпал с переустройством сельского хозяйства, с форсированной и насильственной коллективизацией. Принудительно-административное сужение спектра научных трактовок, усиление партийного контроля, приоритет сталинских оценок происходившего и происходящего отвели периоду НЭПа неблагоприятную роль антипода героических успехов становления в СССР колхозного строя. Собственно говоря, оценки НЭПа в литературе 1930–1950-е годы «зашиты» в лакированном освещении коллективизации (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 211).

Материалы партийных мероприятий (съездов и пленумов) наполнены утверждениями о безальтернативной верности аграрной политики 1930-х гг. Для ученых резолюции высших партийных собраний стали прямым указанием: какие трактовки приводить и какие выводы формулировать.

Например, часто цитировалось высказывание И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Не может быть сомнения, что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели районирования... Цель районирования – приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу для того, чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции. В этом смысле, повторяю, районирование дало громадный плюс всему нашему строительству» (Сталин, 1935. С. 406). Смежные устремления: «Приблизить аппарат к району и селу», «завершить территориальную организацию района как узлового руководящего звена, осуществляющего важнейшие директивы партии и правительства по выполнению народно-хозяйственных планов».

Определяющее влияние на трактовки аграрной политики оказал вышедший в 1938 г. при непосредственном участии И. В. Сталина учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Советскому обществу было предъявлено официально заданное безальтернативное понимание истории.

Теме коллективизации посвящена почти вся XI глава учебника. Развитие процесса коллективизации описывалось по следующей схеме. Подъем промышленности в ходе индустриализации привел к массовому поступлению тракторов и других сельскохозяйственных машин в деревню. Знакомство крестьян с работой новой техники в совхозах и МТС способствовало росту колхозного движения, которое отныне приобрело массовый характер. Соответственно, сплошная коллективизация потребовала нового землеустройства, перехода в пользование колхозов земель, которые ранее принадлежали кулакам. Эта необходимость стала причиной перехода от политики ограничения кулачества к политике его «ликвидации как класса».

Ярким отражением общей позиции Сталина стало выступление 2 июля 1934 г.: «Например, Кабаков (секретарь Свердловского обкома ВКП(б), расстрелянный в 1937 г. «за принадлежность к правому уклону»), говорил так, что стоит ли, дескать, вообще рассуждать об этом, когда единоличнику куда лучше живется, чем колхознику, и вообще единоличный труд дает больше выгоды, чем колхозный.... Не стоит у нас вопрос, выгодны ли колхозы или невыгодны.... Не стоит и не будет стоять вопрос, целесообразно ли для отдельных колхозников быть в колхозе или нецелесообразно, потому что этот вопрос тоже решен» (Трагедия..., 2002. С. 186)².

Исследовательский интерес к событиям 1920-х годов в последовавшее десятилетие резко снизился, а издававшиеся работы носили пропагандистский характер (30 лет..., 1932; Кассин, 1939; и др.)³. Тексты наполнены крайне специфической риторикой, партийным эпистолярным жанром, пронизанным пафосом битвы и штурма.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы / Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.

³ 30 лет Красноярской, Читинской, Иркутской партийным организациям: материалы для докладчиков. Иркутск, 1932. 44 с.

В публикациях, в том числе освещающих региональные данные, откровенно излагаются тактические приоритеты государства. Откровенно указывалось, что наличие в колхозах хуторских усадеб является фактором, тормозящим процесс образования новой колхозной деревни, фактором – понижающим производительность колхозного труда, задерживающим организационно-хозяйственное укрепление колхозов, фактором, замедляющим преодоление их частно-хозяйственного сознания. Разрозненное проживание колхозников исключает налаживание новой общественной жизни и «продуктивной работы по переделке старого быта» (Шулейкин, 1935. С. 7).

Изучение истории советской деревни испытывало существенные трудности, в том числе и потому, что большинство исследователей разрабатывало темы не позднее Гражданской войны. Неблагополучное положение показала неудача в подготовке многотомной «Истории коллективизации» в 1943–1944 гг. Власть осознавала необходимость актуализировать собственное теоретическое и практическое наследие для восстановления колхозного строя освобожденных территорий СССР и для подготовки (в т. ч. агитационной) «социалистических» аграрных преобразований в странах Восточной Европы. Задумывалось выпустить тексты суммарным объемом 80 п. л., но вскрылось как отсутствие конкретно-исторических заделов, так недостаточная квалификация привлеченных авторов (Барсенков, 1988. С. 24). Сказались и сложные условия Великой Отечественной войны. Издание не состоялось, что позволяет отнести начало (вероятно, инициированное в том числе и неудачей многотомника) собственно научного изучения непосредственной предыстории коллективизации уже к послевоенному времени.

Сопровождавшая Великую Отечественную войну вынужденная ставка большевиков на патриотизм и самобытность и общий рост национального самосознания несколько скорректировали мировоззренческое и идейное содержание советской историографии, инициировали возрождение научной критики. По окончании войны в СССР оформилась система подготовки исторических кадров, включая организационные структуры (институты, кафедры и т. д.), наметились контуры будущих ведущих научных школ. В конце 1940-х годов разворачивается подготовка первых диссертаций по советской аграрной истории,

востребовав выдвижение не только пропагандистских, но уже научных концепций. К середине 1950-х годов на кафедрах истории СССР и основ марксизма-ленинизма большинство тем аспирантских изысканий были посвящены уже советскому периоду.

Первый, упрощенный анализ подготовки и проведения коллективизации содержали стенограммы лекций Э. Б. Бурджалова, П. А. Александрова, Э. Б. Генкиной, изданные в качестве учебных пособий для Московского университета и Высшей партийной школы. Эти тексты отличала четкая структура изложения материала, но выводы практически повторяли «Краткий курс». В дальнейшем часть сюжетов получила расширенное освещение и в последующих работах тех же авторов.

Публикуются первые монографические работы, заложившие концептуальный фундамент советской трактовки аграрных процессов (Анисимов, 1947; Конюков, 1949; Овсянников, 1949; и др.). Эти трактовки развили партийный подход как к освещению содержания преобразований, так и к неизбежному умалчанию компрометирующих аспектов. На роль первых обобщающих работ по истории народного хозяйства претендовали монографии И. А. Гладкова и коллективные труды (СССР в период..., 1955), по общим оценкам «преддверия» и самой коллективизации публикации С. П. Трапезникова и М. А. Краева (Трапезников, 1949; Трапезников, 1951; Краев, 1954). Авторы оперировали несколько расширенным фактическим материалом, который внешне подтверждал правильность сталинских оценок.

Публикация Сталина 1952 г.: «Никто не может отрицать, колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20–25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями» (Сталин, 1952. С. 62). Очень характерно, что в действительности в 1950 г. сельское хозяйство СССР произвело 92 % продукции 1940 г. (причем 51 % продукции дали личные подсобные хозяйства, занимавшие всего до 3 % угодий), поголовье скота уменьшилось больше чем на четверть, посевы сократились, а итоговый (амбарный) сбор зерновых был меньше 1913 г. Считается, что в 1952 г. И. В. Сталин лично вписал в доклад Г. М. Маленкова XIX съезду

ВКП(б) о сборе зерновых в 1,6 раза больше фактического. Вслед однако прозвучало обещание «в короткие сроки создать в нашей стране обилие продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности» (Маленков, 1952. С. 78)⁴, что хоть замаскировано, но признавало производственное неблагополучие в аграрном секторе.

Послевоенные публикации по-прежнему приоритетное внимание уделяли подбору эмоциональных цитат («правильный путь»; «чистота марксистско-ленинского учения»), широко использовали контрфактические аргументы («Это было бы реакционнейшей, антипролетарской утопией», «Победа правого уклона означала бы «идейный разгром нашей партии» (Сталин, 1949)⁵), не чураясь прямых логических подлогов – «По Декрету о земле вся земля стала «общенародной, государственной собственностью». Например, «всемирно-историческая победа партии Ленина – Сталина» была бы невозможна без разгрома «ревизионистов, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и других злейших врагов социализма, агентов иностранной буржуазии». Все эти враги коммунистической партии и народа клеветнически утверждали, что крестьяне, как собственники, враждебны социалистическим идеям пролетариата (Пуговкин, 1952. С. 18). Предатели твердили о наличии якобы деградации сельского хозяйства, клеветали на партию и её политику (Пуговкин, 1952. С. 31). Не преминули повторить критику 1930-х гг. против Кондратьева, Чаянова, Макарова с навешиванием новых откровенно бранных ярлыков (Пуговкин, 1952. С. 19, 26).

Роль создателя официальной научной концепции «великого перелома» в дальнейшем закрепились за С. П. Трапезниковым, бывшем комсомольским и партийным работником (секретаре райкома) в Поволжье, с 1948 г. по 1956 г. – директор высшей партийной школы при ЦК Молдавии.

В послевоенный период защищаются первые диссертации, посвященные или аграрным преобразованиям в отдельных местностях (округах, областях), или определенным этапам коллективизации (Плю-

⁴ Маленков Г. М. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) 5 октября 1952 г. М. : Госполитиздат. 1952. 108 с.

⁵ Сталин И. В. Политический отчет ЦК 15-му съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т. 10. С. 305–306.

щев, 1948⁶; Алексеева, 1951⁷; Саблина, 1952⁸; Акимова, 1953⁹; Вартанян, 1953¹⁰; Тарасов, 1953¹¹; и др.). Основной упор исследователи направили на освещение роли партии в подготовке и проведении мероприятий, сохранялся цитатный метод подачи и трактовки фактического материала.

В уже постсоветских историографических публикациях это характерное свойство советской исторической науки объясняется не только партийным диктатом, но и «теоретико-методологическим иждивенчеством» – некритичным использованием партийно-государственной документации и сопутствующим спросом на конъюнктурные знания (Катамадзе, 2017. С. 112)¹².

Правящая партия большевиков предпочитала методы штурма, атаки, и в том же направлении воздействовала на народные массы. Этот фактор являлся определяющим при избрании партийным аппаратом линии политического поведения.

В постсоветской исторической литературе активно обсуждается вопрос о возможной альтернативе продолжения НЭПа, разбираются причины свертывания и так ограниченного рынка в СССР, обсужда-

ется роль И. В. Сталина и его идейных противников в принятии решения о переходе к форсированной и насильственной коллективизации. Однако материал Сибири, на наш взгляд, показывает, что реализованный сценарий и был наиболее вероятным, наиболее последовательным по отношению к первоначальному, а значит, добровольным и искренне разделяемым намерениями большевиков 1918–1920-х годов. Большевики никогда не сожалели о том материальном и психологическом ущербе, который нанесла продовольственная разверстка крестьянскому производству. Фактически, мы наблюдаем последовательное молчание советской пропаганды по этому вопросу.

Возможное общественное недовольство купировалось риторическими, пропагандистскими приемами отвлечения типа «кулак (Антанта, Колчак, эсеры) костлявой рукой голода хотят задушить молодую советскую республику», нотациями о марксистской закономерности политической целесообразности, характеристиками текущего момента, всем тем, что так или иначе должно было убедить в безальтернативности фактического курса большевиков. Соответственно, большевиками в отношении крестьянства реализовывался тот же самый набор приемов, что и против других политических партий, против Учредительного Собрания, против буржуазии и т. д. Подобные практики стали определяющей частью партийного, а затем и исторического дискурса, причем не стоит преувеличивать степень его научности, логичности, непротиворечивости. Монополизм трактовки экономических процессов важнее производственных реалий. Склонность к чрезвычайным приемам вылилась в нарастание атмосферы подозрительности и соперничества к концу НЭПа, в том числе в интеллектуальной сфере, тяготение к физическому уничтожению оппонента. Предметное изучение механизма создания тех или иных образов в пропаганде и их последующей управляемой корректировки открывает исследователю большие возможности.

Изучение высказываний видных большевиков и эволюционирующих положений советской историографии позволяет говорить об едином трактовочном стиле. Выделяется довольно устойчивое пропагандистское ядро, которое достаточно устойчиво, если и меняется, то преимущественно стилистически. Общий признак – наличие лакун и умолчаний.

⁶ Плющев Г. К. Борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Курском округе (1928–1931 гг.) : автореф. дис... канд. ист. наук. Курск, 1948.

⁷ Алексеева З. В. Борьба ярославских большевиков за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса в годы первой сталинской пятилетки (1928–1932) : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951.

⁸ Саблина Т. М. Классовая борьба в деревне в период сплошной коллективизации сельского хозяйства : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1952.

⁹ Акимова А. Ф. Переход партии от политики ограничения эксплуататорских тенденции кулачества к политике ликвидации кулачества как класса : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.

¹⁰ Вартанян О. М. Переход КПСС от политики ограничения эксплуататорских тенденции кулачества к политике ликвидации кулака как класса : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.

¹¹ Тарасов Е. П. Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства на территории Ярославской области : автореф. дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1953.

¹² Катамадзе Н. Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е – начало 1990-х годов): направления, течения, школы : дис. канд. ист. наук. М., 2017. 288 с.

Ключевым направлением деятельности большевиков была формулировка «образа будущего». Сформулировав его и затем неоднократно корректируя, жестко низвергая альтернативы, большевики производным от «грядущего» образом комментировали настоящее, принимали и объясняли текущие решения. Соответственно огромная роль принадлежала меняющейся риторике, аргументации, умело и

целенаправленно конструируемым и поддерживаемым мифам.

В заключение можно констатировать сохраняющуюся зависимость современной историографии от исследовательской традиции советской исторической науки. Представляется перспективным взвешенная ревизия прежних и выработка новых концептуальных подходов.

Список источников

- Анисимов Н. И. Советское крестьянство. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1947. 184 с.
- Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988. 139 с.
- Доклад Н. Д. Кондратьева. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Плановое хозяйство, 1925. № 8. С. 100–118.
- Камшицкий В. Кондратьев // Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 4. С. 134.
- Кассин П. С. Иркутская область (очерки). Иркутск : ОГИЗ, 1939. 98 с.
- Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Сб. Каким быть плану: дискуссии 20-х гг. Л., 1989. С. 95–136.
- Конюков И. А. Очерки начальных этапов развития коллективного земледелия. 1917–1925. М., 1949. 191 с.
- Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М. : Госполитиздат, 1954. 720 с.
- Милютин В. П. Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства. М.-Л., 1930. 96 с.
- Овсянников Г. М. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934). М., 1949. 144 с.
- Посадсков А. Л. Сибирская Советская энциклопедия // Новая Сибирская энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 74–76.
- Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации /В. А. Ильиных, С. Н. Андреевков, В. М. Рынков и др. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 298 с.
- Пуговкин Г. Н. Партия Ленина – Сталина – организатор массового движения за коллективизацию сельского хозяйства в СССР (К 25-летию XV съезда партии) // Вопросы истории, 1952. № 12. С. 18–47.
- Рогачев А. Г., Бакшеев А. И. Особенности новой экономической политики (НЭП) в «Сибревкомовской Сибири» (1921–1925 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 208–218.

References

- Anisimov N. I. (1947) The Soviet peasantry. Moscow: Mol. Gvardiya. 184 p. (In Russ.).
- Barsenkov A. S. (1988) Soviet historical science in the post-war years (1945-1955). Moscow. 139 p. (In Russ.).
- Kondratiev N. D. (1925) Fundamentals of a long-term plan for the development of agriculture and forestry. *Plannovoe khozyaistvo = Planned economy*. No. 8. P. 100-118. (In Russ.).
- Kamshitskii V. (1929) Kondratiev. *Malaya Sovetskaya entsiklopediya = Small Soviet Encyclopedia*. Moscow. Vol. 4. P. 134. (In Russ.).
- Kassin P. S. (1939) Irkutsk Region. Essays. Irkutsk: OGIz. 98 p. (In Russ.).
- Kondrat'ev N. D. (1989) Critical notes on the plan for the development of the national economy. *Sbornik. Kakim byt' planu: diskussii 20-kh gg. = Collection. What should the plan be: discussions of the 20s*. Leningrad. P. 95-136. (In Russ.).
- Konyukov I. A. (1949) Essays on the initial stages of the development of collective agriculture. 1917-1925. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Kraev M. A. (1954) The victory of the collective farm system in the USSR. Moscow: Gospolitizdat. 720 p. (In Russ.).
- Milyutin V. P. (1930) Struggle on the agrarian front and reconstruction of agriculture. Moscow-Leningrad. 96 p. (In Russ.).
- Ovsyannikov G. M. (1949) Moscow Bolsheviks in the struggle for collectivization of agriculture (1930-1934). Moscow. 144 p. (In Russ.).
- Posadskov A. L. (2009) Siberian Soviet Encyclopedia. New Siberian Encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 3. P. 74-76. (In Russ.).
- Il'inykh V. A. (2015) Projects of transformations of the agrarian system of Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization. Novosibirsk: Sibprint. 298 p. (In Russ.).
- Pugovkin G. N. (1952) The Lenin-Stalin Party is the organizer of the mass movement for the collectivization of agriculture in the USSR. (To the 25th anniversary of the XV Party Congress). *Voprosy istorii = Questions of History*. No. 12. P. 18-47. (In Russ.).
- Rogachev A. G., Baksheev A. I. (2021) Features of the New Economic Policy (NEP) in «Sibrevkomov» Siberia (1921–1925). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2.

СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925): Исторические очерки. [под ред. А. П. Кучкина (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Институт истории. М., 1955. 596 с.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, М., Госполитиздат, 1935. 655 с.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.

Трапезников С. П. Ленин и Сталин о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Кишинев, 1949. 39 с.

Трапезников С. П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951. 264 с.

Чаянов А. В. Избранные произведения. Сборник / сост. Е. В. Серова. М.: Московский рабочий, 1989. 366 с.

Шулейкин И. Ликвидацию последствий хуторизации надо организовать // Землеустройство и ликвидация хуторского расселения в колхозах Западной области: сборник статей / под ред. И. Шулейкина. М.: НИИОТ, 1935. С. 5–12.

P. 208–218. (In Russ.).

Kuchkina A. P. (1955) The USSR during the restoration of the national economy (1921-1925). Historical essays. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; Institute of History. 596 p. (In Russ.).

Stalin I. V. (1935) Questions of Leninism. Moscow: Gospolitizdat. 655 p. (In Russ.).

Stalin I. V. (1952) Economic problems of socialism in the USSR. Moscow: Gospolitizdat. 96 p. (In Russ.).

Trapeznikov S. P. (1949) Lenin and Stalin on the socialist transformation of agriculture. Kishinev. 39 p. (In Russ.).

Trapeznikov S. P. (1951) The struggle of the Bolshevik Party for the collectivization of agriculture during the first Stalin five-year plan. Moscow. 264 p. (In Russ.).

Chayanov A. V. (1989) Selected works. Collection. Moscow: Moskovskii rabochii. 366 p. (In Russ.).

Shuleikin I. (1935) Liquidation of the consequences of farmization should be organized. *Zemleustroistvo i likvidatsiya khutorskogo rasseleniya v kolkhozakh Zapadnoi oblasti. Sbornik statei = Land management and liquidation of farm settlement in the collective farms of the Western region. Collection of articles*. Moscow: NIIOT. P. 5-12. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Бакшеев – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия.

А. Г. Рогачев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, Красноярск, пр. Мира, 90, Россия.

Information about the authors

A. I. Baksheev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, 1, Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia.

A. G. Rogachev – Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 12 октября 2021 г.; принята к публикации 25 октября 2021 г.

Article info

The article was submitted September 1, 2022; approved after reviewing October 12, 2022; accepted for publication October 25, 2021.